

Морское право

МОРСКИМИ ЖИВЫМИ РЕСУРСАМИ МОЖНО УПРАВЛЯТЬ

В.К. Зиланов*

Я взял на себя смелость предложить вам тезисно некоторые свои замечания по проблемам международного права в области управления морскими живыми ресурсами и в области рыболовства по следующим причинам.

Первая. Если верить Библии, то, когда мы уйдем в мир иной, первый, кто нас встретит, — это святой Петр. Известно, что святой Петр был рыбаком. Я думаю, если мы здесь поговорим немножко о рыболовстве, это нам всем зачтется.

Вторая. Любой государственный прием, любой хороший обед друзей всегда начинается с рыбы, с рыбной пищи. Более того, ряд прибрежных стран на сегодняшний день удовлетворяют свои потребности в белке животного происхождения исключительно за счет рыбы. Достаточно сказать, что от 10 до 25 процентов населения планеты удовлетворяет свои потребности в белке за счет морских живых ресурсов. И в этой связи также эта проблема заслуживает внимания.

И, наконец, третья, главная. Мне, как специалисту-практику в области морского рыболовства, хотелось бы поделиться с вами — теми, кто разрабатывает международное право в этой области, нашей оценкой проделанной работы Организации Объединенных Наций за 50 лет, а также рассказать о трудностях, которые мы испытываем на практике при выполнении положений международного права.

Сказав все это, я хочу присоединиться к уважаемым профессорам, и отечественным и зарубежным, которые говорили о том, что Организация Объединенных Наций за свои 50 лет проделала действительно огромную работу по созданию, я бы сказал, правового

* Заместитель председателя Комитета по рыболовству, профессор. Статьи обоих авторов, опубликованные под этой рубрикой, представляют собой отрывки из выступлений на международной конференции «50 лет ООН и международное право».

фундамента в области морского рыболовства. Но она не только построила этот правовой фундамент в области международного права, но и создала добротное здание, хотя и не без изъянов.

Я бы сказал, что за 50 лет Организация Объединенных Наций с помощью юристов-международников, с помощью практиков в области рыболовства, с помощью сотрудничества между государствами, с тем чтобы избежать морских конфронтаций в области рыболовства, сумела создать шесть основополагающих документов. Это упоминаемые здесь Женевские конвенции 1958 года, где закреплялось право свободы рыболовства в территориальных водах; важные документы, о которых упоминал в своем выступлении профессор Бекашев, это Стокгольмская конвенция 1972 года; основополагающий документ — Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Важные два документа, принятые в Риме в 1984 году, — это стратегия развития и программа действий в области рыболовства, принятые на Первой Всемирной конференции в этой области. Наконец, Рио-де-Жанейро, повестка дня на XXI век, которая провозгласила устойчивое развитие мирового сообщества и внесла, извините меня, путаницу в биологию, провозгласив устойчивое развитие рыболовства.

Из-за недостатка времени не буду в своем выступлении этот тезис расшифровывать, но у меня в некоторых работах эта тема затронута.

И последнее. Совсем недавно закончилась конференция Организации Объединенных Наций, которая приняла совершенно новый документ, соглашение, касающееся так называемых трансграничных рыбных запасов и далекомигрирующих рыб. Это те запасы, которые находятся и в 200-мильной экономической зоне, и выходят за зону, и те, которые далеко мигрируют.

Я думаю, что этот перечень документов, разработанных при участии Организации Объединенных Наций, а также при участии специализированных органов Организации Объединенных Наций, уже говорит, что мир действительно избежал громадных конфронтаций в области рыболовства, в области использования мировых рыбных запасов и морских живых ресурсов.

Конечно, можно было бы еще указать ряд документов, разработанных на региональном уровне, конвенций, соглашений. Все это так. Но как оценить нам, практикам, то, что сделано? Какие критерии избрать?

Если касаться Конвенции 1982 года, о которой уже здесь была полемика, то мы почувствовали разное отношение к ней. Я бы выделил два критерия.

Первый критерий: что же произошло с мировым уловом, поскольку Конвенция 1982 года, которая применялась на практике в

последние годы, дала рост вылова, создала стабилизацию рыбных запасов? Вот это первый критерий.

И второй критерий: конфликтность на море в области рыболовства уменьшилась или нет? Или появилось то, что Организация Объединенных Наций называет «безопасностью рыболовства»?

Если мы посмотрим мировой улов, то в 1982 году он составлял около 80 млн. тонн, в 1993 году — 101 млн. тонн. Казалось бы, можно было 15—20 млн. тонн отнести, как говорится, к плюсам Конвенции. Однако тщательное рассмотрение этого материала показывает, что рост улова произошел за счет резкого развития марикультуры, то есть искусственного выращивания водных морских ресурсов. И в этой области для нас, или, вернее, для вас, специалистов в области международного права, возникает совершенно новая проблема. Резкое развитие марикультуры уже затрагивает интересы не одного государства, а нескольких государств.

Приведу только два примера. В северной части Тихого океана японскими специалистами выращивается искусственно значительное количество лососевых, в частности кеты. Выходя на откорм в открытые районы Мирового океана, эти ресурсы могут затрагивать естественные ресурсы других видов, которые ограничены. Емкость экосистемы ограничена, и за счет искусственного развития морских живых ресурсов мы можем создавать конфликтную ситуацию. Назрела необходимость приступить к разработке конвенции об управлении производством марикультуры.

Вторая проблема в этой же области. Россия акклиматизировала камчатский краб в Баренцевом море. По расчетам ученых предвиделось, что он будет обитать только в зоне России. Однако природа сделала так, что он вышел за пределы этой зоны и широко распространился в зоне Норвегии. Должна ли Норвегия возмещать какие-то затраты России в области воспроизводства этих ресурсов? Это вопрос и практики международных отношений, и международного права. Вот вам один критерий по оценке Конвенции.

Наконец, второй критерий: удалось ли избежать с помощью Конвенции конфронтации на морских просторах? У меня двойственное отношение к этому. С одной стороны, вроде бы да. Но когда посмотреть развитие тенденции в цифровом значении — нет. Именно после Конвенции по морскому праву в таких районах, как полузамкнутые, замкнутые моря, где образуется анклав, я его так называю, анклав, окруженный со всех сторон 200-мильной зоной двух или более государств, а в ряде случаев экономической зоной одного государства, как это имеет место в Охотском море, был нанесен огромный ущерб рыбным запасам Берингова моря, Охотского моря. Сейчас он наносится Баренцеву морю, и в бли-

жайшее время это же будет происходить, я могу совершенно точно вас уверить, в Норвежском и Гренландском морях.

Таким образом, здесь тоже есть большое поле деятельности для совершенствования и выработки новых концептуальных подходов в области международного права.

И последнее соображение, касающееся Конвенции по морскому праву. Здесь уже сегодня звучало, что ее нельзя трогать, она даже святее Библии, другие говорят — нет, она должна совершенствоваться. Я выскажу свою точку зрения как практика.

Прежде всего, Конвенция по морскому праву 1982 года — это продукт политический, это компромисс, достигнутый между Востоком и Западом, это компромисс, достигнутый между экспедиционными флотами и прибрежными государствами, это компромисс, достигнутый между богатым Севером и бедным Югом. Наконец, это компромисс столкновений двух политико-экономических систем в области использования морских живых ресурсов. Одна система главной целью видела прибыль, и она сейчас начинает превалировать в мире; вторая система ставила задачу удовлетворения растущих потребностей своего населения в рыбных продуктах. И здесь разработанный документ получился настолько компромиссным, что прав профессор Бекашев, когда он говорит, что мы три года разрабатывали, по существу, два положения Конвенции — статью 63, пункт 2, и статью 123. Три года мы разрабатывали, 50 статей наработали. По моему мнению, все-таки Конвенция, конечно, это не окончательная Библия, а документ, который в своей основе заложил элементы для дальнейшего совершенствования. И надо в условиях изменившегося мира, в условиях изменяющей свою структуру и свои подходы Организации Объединенных Наций идти по пути совершенствования Конвенции.

Конечно, стоит вопрос: что же ожидать в преддверии окончания XX века и наступления XXI века? Я, наверное, не буду оригинален, если скажу, что мое видение этого процесса не очень оптимистично. Дело в том, что однополюсной мир в экономическом, я не боюсь сказать этого слова, идеологическом отношении не дает стимула к бурлению идей и мыслей. В этой связи с большой долей вероятности можно прогнозировать, что в XXI веке могут преобладать в области морского рыболовства в связи с развитием международного права две тенденции.

Первая — на дальнейший окончательный раздел Мирового океана и всего океанического пространства. При безусловном развитии этой тенденции он принесет конфронтацию и нагнетание обстановки в Мировом океане.

Вторая тенденция — может быть, на создание более совершенного международного морского права по справедливому и устойчи-

вому использованию морских живых ресурсов и динамичному развитию рыболовства. Не исключено, что эти два направления будут развиваться одновременно. Мы видим, что уже ряд латиноамериканских стран, и в частности Перу, в официальных документах заявляют о прилежащем к ее 200-мильной зоне довольно большом пространстве.

Во избежание этого, я думаю, задача Организации Объединенных Наций и нас всех — юристов в области международного права, тех, кто советует представителям властей, — не допустить, чтобы принимались политические решения там, где речь идет о вопросах охраны окружающей среды, использования каких бы то ни было ресурсов, потому что один из главных конфликтов, заложенных в самой Конвенции Организации Объединенных Наций, — это то, что Конвенция определила правовой режим, искусственно разделив неделимые ресурсы, потому что ресурсы неделимы, и, наконец, к ресурсам нельзя применять политический компромисс. Политический компромисс в области экологии неминуемо ведет к разрушению самой экосистемы.

Сказав все это, я хотел бы все-таки, чтобы система Организации Объединенных Наций и наша российская наука в области международного права дали нам, практикам, новые разработки, особенно по ответственности государств флага за деятельность своих судов.

Нам надо иметь ясные разработки, принятые, конечно, на международном уровне, о недопущении рыболовной агрессии в том или ином районе Мирового океана. Простите меня, неспециалиста в области международного права, что я применяю этот термин — рыболовная агрессия. Я его уже использовал в литературе и понимаю, что очень агрессивен в этих вопросах. Но это действительно так. Вдумайтесь: двум ведущим государствам в мире — Соединенным Штатам и в прошлом Советскому Союзу, а сейчас России — нанесен ущерб в районе Берингова моря. За пять лет нерегулируемого промысла другие страны выловили 8 млн. тонн рыбы, разрушили мощнейший алеутский запас, который не восстановится в ближайшее время.

Или возьмите тот ущерб, который наносится в Охотском море. Ведь это, по существу, рыболовная агрессия. Так давайте разработаем эту концепцию рыболовной агрессии. Давайте разработаем элементы возмещения ущерба за такую агрессию, о котором говорилось на прошлом совещании. Должен быть создан орган по рассмотрению этих вопросов.

Теперь о рассмотрении споров, которое заложено в ряде положений Конвенции по морскому праву и в других документах. Там содержится многоступенчатый характер длительного рассмотрения этих споров, а запасы будут разрушаться.

И наконец, в системе Организации Объединенных Наций, по моему мнению, должен быть создан специализированный орган по контролю за использованием морских живых ресурсов в морях и океанах, независимый орган, но при Организации Объединенных Наций. Я разделяю те опасения, о которых здесь говорил по этому вопросу профессор Бекашев, но без такого органа мы не двинемся в XXI век.

В заключение я, пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить вас от имени рыбаков России за те усилия в области международного права, которые дают нам возможность надеяться, что в XXI веке мы все-таки вступим в эпоху сотрудничества, в эпоху устойчивого развития морского рыболовства во всех морях и океанах.

СОВРЕМЕННОЕ ПИРАТСТВО

Барри Харт Дабнер*

Хотел бы остановиться на насилии на море и на современном пиратстве. Буду базироваться на различных документах, которые уже приняты в этой области, а также на Конвенции об открытом море, которая рассматривала пиратство только с практических позиций. Также буду ссылаться на свою докторскую диссертацию, которая тоже была посвящена этим вопросам. Тогда я преподавал в Австралии, писал эту диссертацию исключительно из любопытства. Меня тогда очень беспокоили вопросы окружающей среды и то, как они повлияют на международную безопасность. Тогда уже существовали страны, которые беспокоились по поводу растущего количества случаев пиратства. И хотя обычное законодательство о пиратстве рассматривалось всего лишь как рядовой случай терроризма на море, таким образом, можно было трактовать пиратство просто как рядовой случай, как терроризм, который может существовать где угодно.

Почему же именно о современном пиратстве говорим мы сегодня? Потому, что пиратство — это не только экономическая проблема. Пиратство может внести сумятицу и хаос в проблемы судоходства и создать серьезную угрозу на море. Прежде чем пойти дальше, я хотел бы сказать о нескольких терминах, которые буду употреблять в своем докладе.

Когда мы говорим о пиратстве, мы говорим о насилии, ограблении или задержании, которое совершается в личных интересах и

* Профессор Школы права Томаса М. Кули, штат Мичиган (США).